

Александр Борисович
Сороковик

И смерти
не будет...

Рассказы о наших
современниках

Александр Сороковик

**И смерти не будет... Рассказы
о наших современниках**

«Издательские решения»

Сороковик А.

И смерти не будет... Рассказы о наших современниках /
А. Сороковик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905197-4

В этой книге собраны рассказы о наших современниках, их жизни, любви, работе. Есть среди рассказов некие подобия сказки, рассказы с юмором, трагические истории — здесь всё подсмотрено из нашего быта, герои рассказов живут рядом. Родители и дети, мужья и жёны, юные влюблённые и те, кому пришлось расстаться. Люди с устоявшимися жизненными принципами, и те, кто только ищет свой путь. Все герои разные, но их объединяет одно: они здесь, рядом с нами.

ISBN 978-5-44-905197-4

© Сороковик А.
© Издательские решения

Содержание

И смерти не будет...	6
Катенька и Герцог	12
История одного Гладиолуса	18
Первая жизнь	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

И смерти не будет...

Рассказы о наших современниках

Александр Сороковик

Благодарности:

Николай Георгиевич Глушенков

© Александр Сороковик, 2018

ISBN 978-5-4490-5197-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И смерти не будет...

Подтверждение из Медицинского центра пришло, когда Сазонов махнул рукой и смирился с тем, что жить ему осталось совсем мало – до сорока дотянул, и ладно... На лечение его могли принять уже в конце марта, но в стационаре мест не было. То есть, если есть возможность – устраивайся в Городе, как хочешь, но каждый день изволь приезжать на обследования, процедуры, консультации, а потом возвращайся домой или туда, где остановился. Обедать, отдыхай, ночью спи, а завтра – опять с утра в Медицинский центр. И так – месяца два.

Сазонов понимал, что один в Городе он не продержится. Два месяца жить в гостинице или снимать квартиру – очень дорого. Готовить он не умел, да и когда готовить, нужно ведь лечиться. Питаться в кафе? Тут уж точно, никаких денег не хватит... Лиду свою брать с собой, чтоб готовила, с работы срывать? Тогда её маму надо из деревни вызывать, чтоб за детьми присмотрела, а у неё там огород да скотина!

Тут и подвернулся старый, ещё с института, приятель Олег, предложивший остановиться у его друзей Кузнецовых. Таким образом, все проблемы решались, но материалиста Сазонова смущало одно – Кузнецовы были верующими.

* * *

– ...А как же я с ними питаться-то буду, они, поди, одни каши едят? Я же на таком рационе через две недели загнусь!

– Ну, они ведь не погибаются!

– Они... Они же эти, как их, – он хотел сказать «фанатики», но не решился, только неопределённо пощёлкал пальцами, – ну, молитвой питаются...

– Так и ты питайся! – засмеялся Олег. – Кто тебе не даёт?

– Не, я это... не умею, – потупился Сазонов, – я больше к мясу привык...

– О, Господи, ну что ты за человек такой! Ну, как есть Сазонов! Да что ты из людей фанатиков делаешь? Они – нормальные, обычные люди! А Маринка так готовит, что ты и забудешь, как твои «фанатики» посядутся. А захочешь мясного – купишь себе колбасы и бутерброд сделаешь!

– Ну да, колбасы... Не дадут мне колбасу есть...

– Конечно, не дадут! Привяжут к стулу, заставят молиться, на коленях ползать, еду отберут!

– Как это – со стулом, на коленях ползать?

– Да иди ты в баню, Сазонов! – взорвался Олег. – Не хочешь – не надо! Ему тут все условия создают, все вопросы решают – жить будешь на всём готовом, денег только на продукты для себя дашь да поможешь Маринке, если что – у неё Николай задерживается часто в поле. И не бойся ты так, я же объяснил – это совершенно адекватные, нормальные люди. Ну да, молятся, в церковь православную ходят, не в секту же какую-нибудь – но тебя ведь никто не заставляет. Не курят они, так и ты не курящий. Николай по праздникам может рюмку-другую выпить – так же как и ты. Матом не злоупотребляешь, только не чертыхайся при них... да и всё, пожалуй.

– Да нет, я ничего не говорю...

– Вот и не говори, а давай, собирайся!

* * *

Сазонов приехал в Город ранним вечером. Отбил от настойчивых таксистов, разыскал остановку маршрутки. Вскоре подкатил жёлтый, расписанный рекламными лозунгами микроавтобус, и Сазонов захватил хорошее место у окна. Ехать пришлось долго – Кузнецовы жили на окраине, в частном секторе. Далековато будет ездить в больницу, ну да ладно, переживём.

От конечной остановки Сазонов не без труда добрался до нужной улицы. Довелось несколько раз переспрашивать редких встречных прохожих, чего он страшно не любил. Пригородные улочки, узкие, неровные, застроенные частными домишками, ничем не выказывали свою принадлежность к Городу, больше походили на сельские.

Начинало темнеть, но воздух был ещё по-дневному тёплым, только налетающие порывы несильного свежего ветра напоминали о приближении ночи. Во всём чувствовался перелом – вечера с ночью, зимы с весной, смерти с жизнью. Из набухших почек неудержимо рвались наружу зелёные листочки, земля, оттаявшая после холодов, взрыхлённая, исходила томлением, требовала в себя невесомого семени, которое прорастёт неукротимыми ростками новой жизни...

Дом, в котором жили Кузнецовы, аккуратный, одноэтажный, располагался за невысоким забором из ажурных металлических прутьев, выкрашенных в яркий зелёный цвет. Сазонов подошёл к калитке, стал искать звонок, но нигде не мог найти. Из небольшой деревянной будки выскочила мелкая кудлатая собачонка и принялась залиvisto облаивать гостя, не забывая при этом дружелюбно вилять хвостом: «Я, вообще-то, против вас ничего не имею, даже подружиться готова, но, увы, на работе! Не погавкаешь – ещё пайки лишат! Р-р-гав-гав!».

Вскоре открылась дверь дома, и на дорожку, ведущую к калитке, вышла молодая женщина в лёгком ситцевом платье до колен, в накинутой на плечи вязаной кофте. Невысокая, крепкая, улыбчивая. Тёмные волосы схвачены в обычный хвост – никаких натянутых на глаза чёрных платков, подолов до земли, суровых взглядов.

– Вы Андрей Сазонов? – улыбнулась она. – А я Марина! Заходите, как говорится, милости просим! Цыц, Кнопка, свои!

Кнопка тут же прекратила гавкать, завиляла хвостом. Марина откинула крючок,пустила Сазонова во двор. Дверь в дом приоткрылась, и в щель выглянули любопытные детские мордашки.

Однако Марина свернула не направо, к дому, а налево, к небольшому домику, стоящему напротив. Открыла дверь, пригласила Сазонова войти, сама зашла следом. Домик состоял из двух комнат с низкими потолками и крохотными подслеповатыми окошками. В комнате побольше стояла старая металлическая пружинная кровать с шишками на спинках, с толстым матрацем, покрывалом с бахромой, пышной подушкой углом. Тут же был небольшой двухстворчатый шкаф и комод.

Во второй, совсем маленькой комнатке, находился кухонный стол-тумба времён его детства: деревянный, покрытый многими слоями зелёной масляной краски, с двумя выдвижными ящиками, снабжёнными круглыми ручками-грибками, и дверцами, закрывающимися на щеколду, в виде деревянного бруска, насаженного на гвоздь.

Рядом располагалась такая же старая двухконфорочная газовая плита, маленький холодильник и столик для посуды. На окнах – беленькие занавески с подсолнухами, под потолком – обычные лампочки в открытых патронах. Просто, архаично, чистенько и... очень уютно. В углу на полочке стояла небольшая икона под стеклом, засохший букетик цветов и несколько бумажных иконок, поменьше.

В другом углу был прибит облезлый металлический рукомойник с ведром для грязной воды внизу, рядом на табуретке – эмалированное ведро с чистой водой, накрытое крышкой.

– Тут вода не проведена, это вам так, умыться утром-вечером, зубы почистить. А душ и ванна – в доме, хоть каждый день купайтесь! Газ тут есть, плита работает – ну там, чайник закипятить. Так-то я вам всё приготовлю, меня Олег предупредил. Вот тут в шкафу – полотенца, постель, всё чистое. Вы вещи разберите, в шкаф положите, умойтесь с дороги да пойдёте в хату поужинаем!

– Не нужно, не беспокойтесь, я так, чаю выпью, и всё...

– Нет-нет, пойдёмте! Мы в это время как раз ужинаем, заодно с детьми познакомитесь. Муж попозже подъедет, звонил, велел его не ждать.

«Ох, чё... (одёрнул себя, не заругался даже мысленно), ёлки-палки, детям бы гостинцы какие-нибудь привёз, говорил же Олег, трое деток у них...», к счастью, вовремя вспомнил про печенье, которое взял с собой да так и не съел.

– Так вы тут умойтесь, переоденьтесь, заходите в дом. Просто дверь открывайте и заходите.

Она вышла, оставив его одного. Он умылся чистой, холодной, наверное, колодезной водой, а переодеться не стал: зачем надевать домашнее, если всё равно нужно выходить на улицу? Взял пакет с печеньем и вышел во двор.

Подошёл к дому, потоптался на крыльце – заходить, просто открыв дверь, как говорила Марина, не решался по интеллигентной городской привычке. Звонка нигде не видно, а сама дверь обита дерматином с толстой мягкой набивкой – стучи не стучи, не услышат. Он всё же робко постучал по косяку, потоптался на крыльце, постучал ещё раз, помялся и потянул на себя тяжёлую дверь.

В прихожей ярко горел свет, из комнаты слышались детские голоса. Оттуда выкатился карапуз лет трёх, уставился на Сазонова круглыми, любопытными, без страха глазами.

– Дядя присол! – радостно возвестил он. Вышла Марина, улыбнулась, пригласила к столу. Ужин был накрыт в просторной кухне-столовой, где помимо стола помещались кухонные шкафы, полки с посудой, большая газовая плита, и ещё оставалось место.

Сазонова познакомили с детьми: старшей, Верой – серьёзной, высокой, большеглазой, лет, наверное, четырнадцати, и Марусей – шустрой, маленькой хохотушкой, не больше восьми. Карапуза важно величали Иваном. Сазонов передал Марине печенье, что-то пробормотал, смущаясь.

Он побаивался, что перед едой будут читать длинные молитвы, а сам ужин пройдёт в гробовом молчании и потупленных взглядах. Однако его опасения оказались напрасными. Конечно, в углу висели иконы, горела лампадка. Перед едой прочитали короткую молитву, Марина перекрестила стол, но в остальном всё было, как в обычной семье: младшие дети шумели, иногда капризничали, хозяйка расспрашивала Сазонова о его жене и детях.

Ели варёную картошку с грибным соусом, действительно, очень вкусную. Затем был чай с домашней выпечкой и печеньем, которое он привёз. Сразу после ужина Сазонов заспешил к себе в домик, вымылся до пояса холодной водой, застелил чистым бельём постель, залез на непривычно высокую, мягкую кровать, поворочался немного под умиротворяющие звуки частного двора: сонное трепыхание кур, твяканье Кнопки. Даже начавшиеся вскоре весенние котятчи разборки не помешали Сазонову заснуть непривычно глубоким, ровным сном.

На следующие утро начались лечебные будни. Сазонов поднимался в шесть часов, умывался, шёл в дом завтракать. Сначала смущался, что приходит так рано, но вскоре понял, что для хозяев это не рань, а обычное время утренних забот. Познакомился с мужем Марины – высоким, широкоплечим, бородатым Николаем. Сначала он показался Сазонову мрачным и угрюмым – настоящим фанатиком. Но вскоре стало ясно, что это впечатление обманчиво – достаточно было увидеть, как тот улыбается: открыто и немного застенчиво.

Николай появлялся редко – работал с утра до вечера в своём фермерском хозяйстве. Марина оставалась дома – всё её время занимали мелкая живность, сад, огород и маленький Ваня, не ходивший ещё по малолетству в садик. Сазонов с утра уезжал в Медицинский центр, сдавал анализы, проходил обследования. Никто толком не мог или, скорее, не хотел ему ничего говорить о ходе болезни: «Вот сдадите все анализы, обследуетесь, вас примет профессор Ставинский, ему и задавайте вопросы! А пока посещайте предписанные процедуры и не переживайте!».

Легко говорить: «Не переживайте!» Им-то что, у них таких больных, подобных Сазонову тысячи, а он у себя – один. Наконец ему назначили время приёма у профессора – пятница, девять утра.

Сазонов переживал сильно. Он не знал, чем себя занять, ходил по своей комнатке, смотрел старый телевизор, притащенный Николаем откуда-то из дальней комнаты специально для него. Выходил во двор, садился на скамейку под яблоней. Тут же являлся толстый, ленивый, дымчатый кот Барсик, мяукал, забирался на колени, требовал, чтоб ему чесали за ушами.

Кнопка при этом рвалась с цепи, облаивала хвостатого наглеца. Полосатая кошка Алиса, охотница-крысоловка, презрительно шурилась издалека, к чужаку не подходила. Вообще, Сазонову не докучали. Никто не приглашал помолиться, не подсовывал умных книг, не вёл душеспасительных бесед. Марина заботилась о его быте, готовила просто, но очень вкусно, прав был Олег.

При этом не всё меню было постным – Сазонов получал еду вместе с малышами, которые не постились так строго, как взрослые. Он всё же прикупил себе килограмм сарделек, положил в морозилку, но доставал и варил их редко – после сытных Марининых обедов и ужинов, которые она виртуозно готовила из круп и овощей, есть не хотелось совершенно.

Эта неделя была предпасхальной. В четверг Марина попросила Сазонова завтра вечером разрешить детям заняться покраской пасхальных яиц в его летней кухне – в доме она собирается готовить блюда для праздничного обеда и дети будут ей мешать. Вообще-то, в пятницу этим не занимаются, но поздно вечером – ничего, можно. И ещё, не сможет ли он побыть рядом с детьми? Ничего особенного делать не нужно, просто приглядеть за ними – там надо работать с кипятком... Сазонов согласился, плохо понимая, о чём его просят: все мысли занимал завтрашний приём у профессора.

...В больницу он заявился в начале девятого, топтался возле кабинета, присаживался на скамейку, нервно ходил из угла в угол. К девяти народу набилось много, толкались, стараясь протиснуться поближе к двери, Сазонова совсем оттеснили. В начале десятого вышла дородная медсестра и сурово провозгласила:

– Никому не стучаться и без очереди не лезть! Вызывать буду по списку, – и, пресекая ропот, громко возвестила, – Сазонов! Есть Сазонов? Проходите!

Профессор Ставинский оказался худым, невысоким, неопределённого возраста человеком, с жидкими светлыми волосами и такого же цвета усами. Ни очков, ни густого рокошущего голоса, ни снисходительного обращения «батенька». Только глаза были «профессорские»: усталые, цепкие и очень мудрые. Он долго листал историю Сазоновской болезни, задавал иногда тонким, дребезжащим голосом быстрые, резкие вопросы.

Затем закрыл папку, внимательно посмотрел на Сазонова и вдруг улыбнулся просто и открыто.

– Что, Андрей Николаевич, помирать собрался? Гроб заказал уже? Ну, повремени пока! Я думаю, что обойдётся, во всяком случае – шанс у тебя есть, и неплохой шанс! В общем, так. Недельку походишь на процедуры, подготовишься, а числа, скажем так, двадцать пятого – я потом уточню – прошу на операцию.

– Так что, – Сазонов слегка задыхался, говорить было трудно, – значит, у меня есть шанс? Я... не умру?

– А кто тебе сказал, что ты вообще умрёшь? Не повторяй глупостей, готовься к операции и выброси из головы эту чушь! – он внимательно посмотрел в глаза Сазонову, подмигнул не фамильярно, а вовсе ободряюще, и тихо добавил. – А смерти, Андрей, вообще нет!

– Как это нет? – ошарашено спросил Сазонов.

– А так! Нет, и всё! – Ставинский слегка отмахнул рукой в сторону двери, и тут же медсестре: – Антонина, давай следующего!

* * *

...Вечером дети притащили на его кухню целую художественную мастерскую: тут были красители в пакетиках – и обычные, и перламутровые, и какие-то блестящие. Листочки с серебристыми и золотистыми наклейками в виде голубей, крестиков, цветов. Сазонов вспомнил детство – его бабушка тоже красила яйца к Пасхе, но они у неё получались только трёх расцветок: коричневые, – сваренные в луковой шелухе, красные и ярко—зелёные.

А ещё Вера принесла специальные разноцветные восковые карандаши – один из способов предполагал раскраску ими яиц, погружаемых затем в краситель. Такое яйцо получалось ярким, необычайно красивым, неповторимым.

Сазонов с интересом наблюдал за всеми процессами, никуда не вмешиваясь – Вера сама прекрасно знала технологию. Вот она опустила в кастрюльку, где кипела вода с луковой шелухой несколько яиц, обсыпанных сухим рисом и завернутых в марлю. Потом, когда их достали, получились красивые пёстрые коричневые крашенки.

Обычные, выкрашенные в какой-либо яркий цвет, яйца высыхали и поступали в распоряжение Маруси и Вани. Они деловито наклеивали различные картинки, ссорясь иногда из-за наиболее красивой.

Вскоре Вера достала восковые карандаши, дети начали разрисовывать яйца и опускать их в краситель. Получалось не очень – яйца овальные, да ещё и горячие – рисовать на них сложно, а на холодных воск не оставляет следа. Даже у Веры получалось не совсем хорошо. Сазонов не вытерпел:

– А можно мне попробовать?

– Ой, конечно, дядя Андрей, попробуйте! – захлопала в ладоши Маруся. Вера просто подвинула к нему карандаши и улыбнулась. Сазонов повертел их в руках, взял горячее яйцо.

– А что рисовать-то нужно? – спохватился он.

– Праздничное, весёлое! Птичек, цветочки, солнышко. Крест, свечку. «Христос Воскресе!» написать, – защebetала Маруся.

Сазонов смущённо улыбнулся, взял карандаш. Сколько же лет он не рисовал! Горячее яйцо обжигало руку, но он не замечал этого. Вот появилось облако, из-за него солнечные лучи. Внизу – тюльпаны. На другом яйце он изобразил стаю голубей, поднимающихся ввысь.

Дети притихли и широко раскрытыми глазами смотрели на чудо: пустая белая скорлупа покрывалась удивительными рисунками, узорами, цветами, облаками и птицами. Вера брала разрисованные яйца, опускала их в краску, а потом вынимала, клала на специальные подставки, чтобы высыхали.

Сазонов забыл обо всём. Никогда не молившийся, не отрицающий Бога, но и особо не верящий в Него, он так боялся к Нему обращаться! Так не хотел просить о своём выздоровлении! Так опасался, что эти симпатичные Кузнецовы, приютившие его, заставят читать молитвы или же сами станут за него молиться!

А теперь он, сам не ожидая от себя, творил своими руками Красоту, предназначенную для Праздника, величайшего Праздника Воскресения. Если в этот день может воскреснуть Сын Божий, распятый и умерший на Кресте, то почему не может воскреснуть обычный человек Сазонов, ещё живой, но много раз умиравший от одного слова сомнения, от одного не самого лучшего анализа, от одной брехливой статьи в Интернете!

Он просто делал то, что умел – рисовал чудесные картинки, словно говоря: «Вот я, Андрей Сазонов, песчинка в омуте мироздания. Я не умею читать молитвы, но вот, говорю с Тобой сейчас, как умею, не словами, а своими рисунками. Я хочу выздороветь, я хочу видеть это небо с голубями, эти листья и цветы, эти облака с солнечным лучом! Я хочу приехать домой, достать из кладовки старый ящик с красками, сдуть с него пыль и снова рисовать, увековечивать в своих рисунках эту красоту, а значит, и Того, кто её создал! Вот моя душа, Господи – она здесь, в этих облаках, цветах и птицах, в этой неумелой молитве...»

Он остановился, только когда закончились яйца, положил на стол остатки восковых карандашей, бессильно опустил руки. Вскоре Вера достала последнее яйцо из баночки с краской, положила на подставку. Дети разом загалдели, восторженно рассматривая необычайные, чудные, потрясающе красивые яйца.

– Дядя Андрей, а вы – художник? – Маруся смотрела на него распахнутыми в изумлении глазами.

– Не знаю, – смущённо улыбнулся Сазонов, – когда-то хотел им стать, да не вышло. А, может, опять стану...

Он поднялся из-за стола, вышел во двор. Стоял дивный апрельский вечер, на небо, теряющее хрупкую прозрачность, наливающееся тёмной синью, робко выбирались первые звёзды. Они ласково улыбались, подмигивали, прятались за маленькими тучками. Казалось, всё дышит праздником, который не наступил, но уже рядом, уже грядёт. Ещё не время, ещё Бог мёртв, но вот послезавтра ударят ликующие колокола, возвестят миру радостную весть, что Он снова жив. И праздничная ночь Воскресения засияет множеством свечных огоньков, человеческих улыбок, ярких разноцветных яиц – и неумело покрашенных наивной рукой ребёнка, и расписанных уверенной кистью когда-то подававшего надежды художника.

И не останется мёртвых в эту ночь, ибо даже те, кто готовился умереть, поймут, что они будут жить, что мудрый профессор говорил правду и что смерти на самом деле нет!

Март – апрель 2014

Катенька и Герцог

Кто-то сказал, что в Новый год сбываются желания, происходят чудеса и случаются волшебные подарки. В это верит большинство детей, но чем старше они становятся, тем меньше остаётся этой веры. С каждым годом всё сложнее загадываются желания, всё мельче происходящие чудеса, всё обыденнее подарки... И верить-то всё ещё очень хочется, и кажется, что вот в этот год всё наконец и сбудется, состоится самое главное чудо, подарят самый сказочный подарок...

Катеньке девятнадцать. Это обычная девушка, скорее худенькая, чем полная, с милым личиком, стройной, но не модельной фигуркой, тёмными волосами, стянутыми в «хвостик». Одета Катенька в чистую, добротную, но совершенно не гламурную одежду, в маленьких ушках – простенькие золотые серёжки. Она давно не верит в новогодние чудеса, и только где-то на самом доньшке её души, в заветном уголке, живёт робкая надежда: а вдруг?

Учиться в институте Катенька не может, даже на бюджетном – надо зарабатывать самой, одной маминой зарплаты не хватит. Да и вообще, сколько можно на маму рассчитывать! Она окончила какие-то торговые курсы, но работу найти трудно. Реализатором на рынок идти не хочется – там очень тяжело и не остаётся времени на учёбу, а Кате нужно обязательно поступить на заочный, ведь без образования не пробьёшься никуда.

Сейчас Катенька стажировается в большом супермаркете. Она ходит по торговому залу, следит за товаром – поправляет, раскладывает, а если заканчивается, просит вынести новый. Улыбается торопящимся, раздражённым, сердитым покупателям, выслушивает их претензии. Иногда неожиданно перед ней возникает её начальница – Инга Матвеевна, холёная, высокая молодая женщина с брезгливо-холодным, всегда недовольным лицом.

Катенька очень боится Ингу Матвеевну – та всегда найдёт, за что поругать, и делает она это с каким-то наслаждением. Если Катя хорошо себя покажет, её возьмут в штат и заплатят за стажировку. Если нет, то могут и не заплатить, просто выставят на улицу. Сегодня – последний день стажировки, к вечеру Инга Матвеевна сообщит своё решение.

А сейчас, пока Катюша переодевается в униформу супермаркета и приводит себя в порядок, мы скромно останемся за порогом девичьей раздевалки и чуть-чуть посплетничаем о Катиней личной жизни, вернее, об отсутствии таковой.

– В чём же дело? Какая причина этого отсутствия? – спросите вы. А я отвечу:

– Почему вот так категорично? Если у молоденькой девушки нет кавалера (или, как сейчас говорят, бойфренда), то значит, это ущербная какая-то девушка? Не нужна она никому? А, может, это ей не нужны Кавалеры-на-один-вечер, Парни-классно-провести-время. Может, ждёт она одного-единственного, доброго и мужественного, порядочного и верного, которого сама полюбит, ведь без любви нельзя построить счастье... Да, о чём это я? О причинах, по которым девушка обычной, не модельной внешности, живущая в двухкомнатной квартирке с матерью и старшим братом, не «висящая» на сайтах знакомств и не добивающаяся внимания парней любыми средствами, не может устроить свою личную жизнь... Или не хочет её устраивать с кем попало.

Но, впрочем, пора переходить к сути. Это же новогодний, рождественский, святочный рассказ, со всеми положенными атрибутами: принцем, балом и, по-современному говоря, хеппи-эндом. Ведь в глубине души Катенька всё-таки в это верит! Итак...

Катин рабочий день подходил к концу. Тяжёлый, суматошный день 30 декабря. Народ в предвкушении новогоднего застолья метался по залу супермаркета, сбивал и давил тележками нерасторопных, искал товар получше и при этом подешевле. Катенька сбилась с ног, пытаясь сохранять порядок, отвечать на вопросы, улыбаться в ответ на хамство, пряча горькую

обиду, – за целый день один только дядечка улыбнулся ей в ответ, назвал дочкой и пожелал доброго дня.

Вот и сейчас какая-то бабулька засыпала её вопросами: какой чай лучше взять? А почему он такой дорогой? А если у неё повышенное давление, может, лучше взять зелёный? Как же ты не знаешь? Зачем тогда здесь стоишь? А покажи мне ещё вот этот, прочитай, что там написано...

И не ругается вроде, даже улыбается, и понять её можно: пенсия небольшая, экономить надо, а чаю хорошего хочется.

Бабка не унимается, а тут новая беда подоспела – высокая, ухоженная, в богатой шубе, серьги дорожные, надменный ротик скривлен в гримасу недовольствия. Рассматривает пачку элитного чая, вертит в длинных пальцах, унизанных золотыми кольцами. Повернула голову, заметила обслугу, недоумённо ткнула пальчиком:

– Эй... – в глазах непонимание: почему к ней до сих пор никто не бросился?

Катенька пытается подойти, но бабушка не отстаёт, она хочет посмотреть ещё вон ту коробку с верхней полки.

– Эй! – уже с гневом, с нарастающим раздражением. – Я долго буду ждать?

– Извините, одну минуточку! – Катя в отчаянии. Обычно в таких ситуациях выручают девчонки из соседних отделов, но сейчас Маринка занята с пожилой супружеской парой, а Анжелки вообще не видно – наверное, опять на перекуре, строит глазки симпатичному менеджеру Артёму...

– Это безобразие! Почему меня заставляют ждать! Где администратор?

Старуха наконец отстаёт, Катенька спешит к богатой выдре, и тут появляется Инга Матвеевна! Она источает сахар и мёд, пытается погасить конфликт. Выдра не успокаивается, продолжает злиться, но тут нарисовывается Вадим, молодой начальник отдела, улыбчивый, щеголеватый. Он разливается соловьём, улыбается обворожительно, жестом фокусника достаёт скидочную золотую карточку, вручает её покупательнице, прижимает руку к сердцу.

Инга Матвеевна резко поворачивается к Кате и зло бросает ей:

– Где ты шлялась? Почему не подошла сразу к покупательнице? Почему заставила её ждать? Всё, ты уволена!

Катя пытается что-то объяснить, однако её не слушают. Начальница быстро идёт в служебное помещение, но вдруг дорогу ей преграждает высокий светловолосый парень в дорогом пальто.

– Девушка не виновата! – он говорит твёрдо, уверенно. – Я всё видел! Она не могла подойти. Занятая. У неё была другая старуха. Покупатель. Из-за неё не могла! Вы не имеете права её увольнять!

Инга немного растерялась. Послать бы его подальше, но нельзя – видно, что не простой, на иностранца похож...

Она улыбается ему одними губами и кивает:

– Да-да, конечно, мы разберёмся, мы во всём разберёмся! Катя, зайди ко мне!

Она скрывается за дверью с надписью «Служебное помещение. Посторонним вход воспрещён». Катя покорно идёт следом, на пороге поворачивается и улыбается своему защитнику. Улыбка выходит виноватой и грустной: Катенька знает, что его заступничество ни к чему не приведёт...

В кабинете Инга Матвеевна сообщает, что стажировку Катя не прошла, она невнимательная, нерасторопная, а такие сотрудницы им не нужны. Деньги за стажировку ей выплатят, но за вычетом штрафов: и за сегодняшний день, и за прошлые прегрешения. Начальница презрительно ухмыляется и добавляет, что деньги Катя получит только после праздников, числа пятнадцатого.

Катя понимает, что говорить больше не о чем. Она, глотая слёзы, молча выходит из кабинета, быстро переодевается, выбегает на улицу. Сыро, промозгло, хорошо бы горячего кофе выпить. При мысли о кофе засосало в желудке – ну конечно, весь день на ногах, в холодном торговом зале, не поела ни разу. Пирожок, что ли купить?

– Катя! – о, защитник из магазина. Неужели её дожидался, надо же! – Катя, у вас всё в порядке? Вас не уволили? Я могу пойти подтвердить, что вы не виноваты... Я спросил у ваших коллег, сказали, что вы сейчас выйдете. Мне нужно знать, что вы не пострадали... Вам холодно? Давайте сядем в мою машину!

Катенька знает, что к чужим в машину нельзя садиться, но ведь она уже большая! А парень такой вежливый, добрый, пытался защитить её. И ей так сейчас одиноко, холодно и хочется поесть, и неизвестно, что будет дальше. А впереди Новый год и Рождество, и в глупине души всё-таки хочется сказки, а принц – вот он, на белом коне, то есть автомобиле. И пусть сердце не ёкает, не замирает, не шепчет сладко: «Это – Он»... но в его машине тепло, уютно, пахнет дорогим парфюмом.

Катя устало машет рукой: «Всё в порядке, не переживайте!». Она съёжилась на переднем сиденье, ей так не хочется выходить в холодную промозглую декабрьскую сырость. А парень словно читает её мысли, говорит своими короткими, словно обрубленными фразами:

– Катя, вы, наверное, голодная? Устали? Я вас приглашаю вместе поужинать. Я потом вас отвезу, куда скажете! – он спохватывается, прижимает руку к сердцу, – О, простите, я не представился, меня зовут Конрад. Я из Австрии.

«Так вот почему он так говорит! Вроде без акцента, но всё равно, не так, как надо». Кате очень хочется посидеть в уютном кафе, поесть чего-нибудь горячего, забыть свою надменную начальницу и неудавшуюся работу. Она совсем не опасается этого славного австрийца, говорящего короткими фразами, больше половины которых начинаются с буквы «Я». Его не назвёшь красавцем – белобрысый, с удлинённым книзу лицом, бледной кожей. Но чувствуется в нём какое-то внутреннее благородство, взгляд прозрачных голубых глаз открыт и честен, напрочь отсутствует развязность.

Катенька неуверенно качает головой – она одета в старенькую джинсовую юбку, тёплые серые колготки и обычные сапоги. Свитер, правда, нарядный, белый, с вышитыми котятками, но совершенно не парадный. Однако Конрад настойчив. Он и сам одет неброско, буднично, правда, сразу видно, что вещи его, на первый взгляд очень простые, на самом деле хорошего качества и стоят дорого.

Катя знает, что там, у них, одежде не придают такого значения, но всё равно ей немного неловко.

– Только не в ресторан, пожалуйста, в обычную кафешку! – сдаётся наконец она.

– О, да! Конечно, в «каффешку» (это слово даётся ему с трудом)! Я знаю одну чудесную «каффешку» тут, очень недалеко! Мы совсем немножко посидим в «каффешке», и я отвезу вас домой! Вам надо хорошо поесть, выпить горячего!

Он уверенно ведёт машину и совсем скоро они останавливаются у въезда в какой-то двор, перегороженный шлагбаумом. К ним подходит охранник в синей униформе и обменивается с Конрадом несколькими словами. Шлагбаум открывается, они въезжают во двор, останавливаются. Конрад быстро выходит и, пока она ищет ручку, успевает обойти машину и открыть Катину дверцу снаружи.

Они поднимаются по широкой лестнице на второй этаж, заходят в полутёмный зал. Катя понимает, что это, конечно, никакая не «каффешка», а хороший ресторан, но ей уже всё равно. Никто не косится на её простенький наряд, здесь все одеты неброско. Официанты, молодые парни и девушки, улыбаются открыто и весело, остаётся где-то в прошлом шумный, суматошный зал супермаркета, надменная начальница, неудавшаяся работа...

Катенька сидит за столом, ест какие-то очень вкусные вещи, запивает совсем лёгким красным вином. Рядом с ней – принц, который почти ничего не ест, лишь заворожённо смотрит на Катеньку, глаза его сияют... Ну, не совсем принц, «всего лишь» герцог. Зато самый настоящий!

Да-да, он из старинного герцогского рода, ведь Австрия долгое время была монархией, и весьма могущественной! И королевский австрийский двор был одним из самых блистательных в Европе. У него дома есть все бумаги, с коронами и печатями. Вот когда Катенька приедет к нему в гости, она сама всё увидит!

Нет, фамильного замка у них нет, но есть большой особняк. Там он живёт с родителями. Мама его – настоящая герцогиня. Хотя официально титулы отменены, но у них есть своё высшее общество, там всё, как раньше, – балы, приёмы, Катенька скоро сама увидит! Папа владеет несколькими банками, он недавно открыл в их городе филиал, и Конрад приехал сюда по работе. Он очень любит русский язык, Тургенева и Достоевского, ему всегда нравились русские девушки, а Катя просто поразила его. Она непременно должна приехать к нему, он познакомит её с родителями, и Катюша обязательно им понравится!

Катенька слушает и не знает, смеяться ей или плакать. Она верит ему: у него и вправду повадки аристократа – поворот головы, жесты, взгляды элегантны и отточены. Этому не научишься, это впитывается даже не с молоком матери, а закладывается в генах поколений, не перемолотых кровавой мясорубкой репрессий... и пусть сейчас все эти титулы – чистая условность, но всё же, что-то в них есть... Он не обманывает её, очень этот мальчик чист и искренен.

Золушка! Это же сказка про Золушку! Только что она была замарашкой, выполняя тяжёлую работу и ожидая крохи, обещанные ей мачехой-начальницей. И вдруг её забирает приехавший на дивной белой автокаре настоящий герцог, почти принц! И у неё есть реальный шанс безо всех этих глупостей с потерей и примеркой хрустальной туфельки уехать в далёкую сказочную Австрию, в блистательный герцогский дворец-особняк, познакомиться с родителями Конрада, понравиться им, а там... Может, и она станет герцогиней?

Как же титулуют этих герцогов? Сиятельство? Превосходительство? О нет, вообще, кажется – Высочество! Это будет звучать как-то так: Её Высочество, герцогиня Екатерина Мельникова-Зальцбургская!

И её, нищую безродную девчонку, полюбят мама-герцогиня и папа-банкир, позволят ей жить в дворянском особняке, ездить на балы и светские приёмы. Важно шествовать по длинным дворцовым коридорам, в пышном бальном платье с драгоценностями. И слышать за спиной сдавленные смешки. И ловить боковым зрением презрительные взгляды...

Катенька очнулась. Конрад внимательно смотрел на неё, ожидая ответа.

– Что? – она вернулась в зал, за столик, – Танцевать? Да-да, конечно, пойдём, я немного задумалась, извини...

И они с Конрадом кружились в плавных вальсах его великого земляка и просто в медленных танцах и прыгали под весёлую современную музыку. А в перерывах между танцами он аккуратно вёл её к столику, усаживал, предупредительно отодвигая стул. И говорил о тургеневских девушках, о нежности и чистоте, о любви с первого взгляда... И смотрел на неё влюблёнными глазами...

Отчего же ты не весела, маленькая, скромная, усталая девочка? Отчего всё реже слышен твой смех, всё печальнее твоя улыбка? Отчего не вздрагивает радостно твоё чистое сердечко, отчего не кружится от счастья твоя милая головка с перехваченным розовой резинкой «хвостиком»? А может, ты просто устала, ведь целый день на ногах, да и обида, наверное, ещё не прошла?

– Мне пора домой, – тихо говорит Катенька после очередного танца, – я очень устала...

– Да-да, конечно, я тебя отвезу. Я немного выпил, сейчас вызову такси. Мы поедем на такси! – радостно возвещает Конрад.

Он зовёт официанта, просит вызвать машину, расплачивается за ужин. Такси уже ждёт – они, оказывается, у них на стоянке всегда дежурят.

Он подсаживает Катю на заднее сиденье, садится рядом. Она говорит, куда ехать: Южный проспект, возле рынка. Конрад ведёт себя очень благородно – не пытается обниматься, не лезет с поцелуями. Он непременно хочет проводить Катю до квартиры, зайти к ней и познакомиться с мамой. Катенька устало качает головой:

– Нет-нет, у нас так не принято, это потом, я должна маму предупредить заранее!

– Да, конечно, я понимаю! Я провожу тебя до подъезда. Но ты должна обязательно мне позвонить! Прямо завтра с утра! Я буду ждать. Мы вместе уедем в Зальцбург и встретим там Новый год!

Даже сейчас он также вежлив и галантен: открывает ей дверцу, подаёт руку, ведёт себя как джентльмен. Катенька сама тянется к нему, легко целует в щёку, проводит по ней ладошкой и, быстро отвернувшись, убегает в подъезд. Конрад ещё минуту топчется на месте, затем поворачивается и идёт к ожидающему такси...

Проходит совсем немного времени, дверь подъезда открывается, и Катенька, осторожно озираясь, выходит на улицу. Оглядывает пустой проспект и почти бежит к остановке маршрутного такси номер 232: «Южный рынок – Жилмассив Северный». Подъезжает маршрутка и Катенька садится в неё. Ехать ей долго, около часа.

Но вот, наконец, её остановка. Она устало бредёт к такой же панельной девятиэтажке, которую покинула на Южном проспекте. Поднимается в лифте на седьмой этаж, открывает своим ключом дверь. Конечно, мама ещё не спит, поджидает дочь. Она уже знает про её неудачу на работе: Катенька звонила ей, предупреждала, что приедет поздно.

Они сидят на кухне за чаем. Брат где-то гуляет, досрочно встречает Новый год. В квартире тихо, уютно.

– Как же теперь ты будешь? Опять надо на работу устраиваться?

– Так уже после праздников, мама. Сейчас-то что толку? Да, и расчёт я получу тоже после праздников, там мало будет...

– Ладно, уж как получится... Мне премию небольшую дали, так что переберёмся... А где же ты была? В кафешке с подругами сидела?

– Нет, мам, я была на балу!

– Где-где?

– На балу! В меня влюбился один принц, то есть нет – герцог, и пригласил на волшебный бал! Мы веселились, танцевали, потом он хотел увезти меня в своё герцогство, но я убежала домой!

– А туфельку не потеряла? Он не приедет завтра с ней на примерку?

– Нет, мамочка, не приедет. Во-первых, я ничего не потеряла, а во-вторых, он не найдёт мой дом, даже если захочет...

Мама внимательно смотрит на свою маленькую, но такую взрослую девочку, грустно качает головой:

– Эх, Катюша ты моя Катюша! Катюша-сочинюша...

...Катенька уже спит. Её одежда аккуратно сложена на стуле. Она очень устала сегодня. Только и нашла силы после душа, перед сном, порвать на мелкие клочки какую-то картонку и выбросить в мусорное ведро так, чтобы мама не видела. Если попытаться сложить несколько клочков, можно прочесть обрывки слов: «...нрад фон Ш...», «...цбург банк» и несколько цифр. Что ж, спокойной тебе ночи, милая маленькая мудрая девочка!

Ну, вот вам и сказка. Новогодняя, рождественская, святочная. Есть в ней и Золушка, и принц, и дворец, и бал. Ах, ещё и хеппи-энд обещали? А чем, простите, вам не хеппи-энд?

Когда ещё на неё, бедную серую мышку обратил бы внимание заезжий аристократ, настоящий герцог? Да ещё и на бал пригласить изволил! А поездка в Австрию? А жизнь во дворце? А титул и богатство?

Ну и что с того, что поездки и прочего не было? Сама отказалась, глупая девчонка! Ей почестному предлагали, и никто не виноват, что у неё ветер в голове. Кто её, дурочку, поймёт...

Разве что какой-нибудь аристократ благородных кровей – австрийский, например, герцог. А может, и ты, читатель, поймёшь? Может, и тебе знакомы эти слова: Достоинство, Честь, Любовь...

Декабрь 2013 – январь 2014

История одного Гладиолуса (Что-то типа иронической сказки)

Наш Гладиолус вырос в крохотном палисадничке около старого аварийного дома, где жило восемь семей. Дом этот древний, покосившийся, подпёртый брёвнами, с ржавой, протекающей крышей давно уже просился под снос, чтобы освободить место для строительства красивой высотки с застеклёнными лоджиями, большими окнами, элегантными подъездами. С весёлыми качелями-каруселями для детей, добротными лавочками для бабулек, многокрасочными цветниками для всех.

Да вот беда: если дом сносить, надо жильцам давать квартиры в этой новой красивой высотке. Причём давать даром. А это значит – отрывать от себя. Ни строительная компания, ни городские власти не хотели выделять целых восемь квартир, и... Впрочем, причём здесь городские власти? Мы же о Гладиолусе...

Так вот, шла однажды из школы девочка Надя, тоже жившая в этом доме. Проходила она мимо местного магазинчика – возле него всегда пристраивались продавцы всякой дребедени: семечек, цветов, зелени с огорода. И увидела Надя тёеньку, продававшую луковицы разных цветочков. А рядом с каждой кучкой стояла красивая цветная фотография цветка, который вырастет потом из этой луковицы.

И возвышалось там по центру фото неопишуемой красоты гладиолуса – благородный, гордый стебель с острыми узкими листьями и дивными, красными, с пёстрой окантовкой, цветами. Надя охнула, подошла поближе, робко спросила, сколько же стоит луковица этого чудесного цветка? Тёенька равнодушно назвала цену – как раз столько в кошелёчке у Нади и нашлось! Она схватила своё сокровище и убежала домой – чтобы посадить это чудо в их крохотном палисадничке...

Вообще-то, девочкам должны больше нравиться нежные, робкие цветы – незабудки, ромашки, ландыши... Но этот гладиолус был таким гордым, мужественным, благородным! А Наденька уже несмело вступала в тот возраст, когда девчонкам потихоньку начинают грезиться рыцари, капитаны, алые паруса и прочие девичьи радости.

В общем, посадила Надя цветок, воткнула рядом палочку, чтоб место не забыть. Вовремя поливала, пропалывала сорняки. Так бы и вырастила она свой Гладиолус, но однажды жарким июньским днём налетел ураган, громыхнул гром, подул сильный ветер... Старый домишко не выдержал бури: огромное дерево упало прямо на брёвна, подпиравшие его стены, и дом развалился. Сразу успокоим читателя (у нас же сказка!) – жильцов в тот момент в доме почти не оказалось, а кто и находился дома, успели выскочить из своих квартир, не забыли ни стариков, ни младенцев, даже кошку с котятками прихватили!

Итак, дом разрушился, жильцы разбрелись кто куда. Кто-то говорил, что им дали новые хорошие квартиры; кто-то утверждал, что поселили их в таком же старом бараке на окраине; были и те, кто доказывал, что и по сей день живут эти люди на дачах да по знакомым. Этого мы не знаем, да и неинтересно это нам – мы о Гладиолусе рассказываем...

Так вот, старый дом развалился, жильцы уехали, новый на его месте пока не строили – всё какие-то документы согласовывали. А Гладиолус рос себе и горя не знал. Каким-то чудом не завалило камнями его палисадник, да и дожди тем летом шли вовремя.

В конце августа он вымахал в громадный красивейший цветок с острыми узкими листьями и дивными, красными, с пёстрой окантовкой, цветами – точно, как на том самом фото. А поскольку рос он на задворках, перед кучей камней, до поры до времени его никто не замечал...

Однажды, тридцать первого августа, бродила возле развалин компания друзей: Лёшка, Витька да Алёнка. Назавтра им пора было в школу, в пятый класс, а сегодня хотелось как-то отметить последний день каникул – мороженого хотелось, чупа-чупсов, газировки... Но денег у ребят не было: «карманные» давно проели, а у родителей перед первым сентября не допросишься – расходов и без того полно! Тут-то и наткнулись друзья на чудесный цветок.

Лёшка, мозговой центр компании, с ходу предложил гениальный план: Гладиолус срывать, встать с ним где-нибудь с краю, где торгуют цветами, и продать, не особо заламывая цену. Сегодня все покупают цветы и такого красавца заберут на раз. Алёнка немного повздыхала – вот бы прийти с таким цветком в школу! Но она понимала – другого шанса сегодня покутить у них нет. Вскоре друзья уже стояли за оградой цветочного базарчика, предлагая своё чудо. Почти сразу к ним подошла богато одетая тётка с золотыми кольцами на пальцах и, не торгуясь, купила Гладиолус. Все остались очень довольны сделкой: тётя прикинула, что заплатила за чудесный цветок раза в три дешевле, чем в магазине, а довольные ребяташки «оторвались» по полной: хватило и на мороженое, и на газировку, и на чупа-чупсы!

А Гладиолус поехал к богатой тётеньке домой. По дороге она завернула в салон, где его упаковали в красивую целлофановую обёртку и перевязали блестящей серебристой ленточкой. Теперь Гладиолус выглядел ещё импозантней, и не зря! Назавтра ему предстояло отправиться в школу... то есть, нет, в элитную гимназию для одарённых детей, где дочка тётеньки, маленькая Алинка, шла в первый класс. Честно говоря, особой одарённостью Алинка никогда не отличалась, но отдать её в простую школу родителям не позволял статус. Ну что ж, не всем ведь быть одарёнными! В результате переговоров с её папой одарённой (и не скупой!) оказалась гимназия и её руководство...

А наш Гладиолус на торжественной линейке вручили лично директору гимназии, заслуженному педагогу со стажем, Пастуховой Анне Дмитриевне. Та вполне благосклонно (после стараний родителей Алинки) приняла новую ученицу: спокойная девочка из хорошей семьи. А одарённость... Это дело поправимое. Главное, чтоб родители не скупились. А эти – богатые да честолюбивые, проблем с ними не будет...

После окончания первосентябрьских торжеств за Анной Дмитриевной заехал на машине её сын Игорь. Помог загрузить букеты: десяток самых красивых – на заднее сиденье, ставить потом в вазы с водой, украшать их богатую квартиру. Остальные, рангом пониже, – в багажник, завезти Петровне. Та приносит Анне Дмитриевне свежее молоко, сметану, творог. Всё без обмана – свежайшее, натуральное, без химикатов. Петровна не дура, чтоб обманывать такого клиента – вот уже четыре года исправно привозит ей продукты, а попутно стоит на городском рынке – продаёт нечто похожее, только худшего качества. А заодно и цветами приторговывает. Вот Игорёша и возит ей оставшиеся после первого сентября букеты. Петровна их продаст, копеечку заработает, барыне ещё преданней будет.

Конечно же, наш герой попал в число счастливиц – его предназначили для украшения благородного жилища госпожи Пастуховой! Однако тут судьба выкинула фортель, непонятно только, в какую сторону. Гладиолус увидела Леночка, младшая дочь Анны Дмитриевны – хорошенькая медноволосая студенточка, собиравшаяся послезавтра на свадьбу к своей подруге Галочке. Щепетильность момента заключалась в том, что Галочка, раньше всегда благосклонно принимаемая в доме Анны Дмитриевны, теперь резко вышла из фавора потому, что она, девочка из очень приличной семьи, выходила нынче замуж за голодранца, сына одинокой уборщицы, не гнушавшейся «заложить за воротник». Да и семья Галочки оказалась не на высоте – они приняли голодранца в дом, устроили на хорошую работу, говорили всем, что он отличный парень, а мать... ну что же, родителей не выбирают...

Извините, опять отвлёкся! Так вот, о Гладиолусе. Леночке было сказано, что цветок до послезавтра великолепно доживёт, вида не потеряет и для вручения *молодожёнам* (произнесено это слово было с сильным сарказмом) вполне сгодится. Подарок Леночка припасла зара-

нее, зная мамино отношение к этой свадьбе, она загодя сэкономила свои подарочные деньги, сто долларов, и положила их в красивый конверт.

Конечно, надо было бы описать подробно свадьбу (у нас же вроде как сказка) – сияющую невесту в потрясающем белом платье, мужественного жениха в строгом чёрном костюме, счастливых родителей, утирающих скупые слёзы, роскошный стол с деликатесами. Но, увы, увы... Родители невесты не поскупились только для молодых – купили им хороший свадебный круиз, и прямо из загса те отправились на морвокзал в сопровождении тёщи с тестем. А вот стол для гостей (в большинстве своём со стороны жениха), накрыли по остаточному принципу: дешёвое кафе, плохая водка, всего две бутылки шампанского, еда «второй свежести».

Сказка уехала на белоснежном круизном лайнере, а здесь осталась горькая явь. Присутствовала тут и пошленькая полупьяная девица-тамада, и заносчивые музыканты, и скупые гости – так что музыки почти и не было. А была мама жениха, напившаяся в хлам, навязчивые молодые люди со скользкими взглядами, хмельные разборки между выпившими ребятами... Леночка вызвала такси и, давась слезами, уехала, не дожидаясь начала свинства; плакала потом у мамы на плече, клялась больше не дружить с «этой идиоткой» и остро жалела о погубленных ста долларах...

Да, а что же Гладиолус? Гладиолус стоял ещё два дня в банке с водой в зальчике кафе. Он потерял значительную часть своего лоска, пообтрепался, подвял, но имел ещё вполне сносный вид. И всё же вечером второго дня его выбросили на помойку – зал готовили для нового банкета.

Предвижу гневные возражения читателя:

– Да что же это за сказка?! Выбросили на помойку, и всё? Где счастливый финал с обязательной сва... м-да, свадьба уже была... Где в конце концов победа добра над злом?

Ладно, вот вам финал. Шла вечером мимо помойки Тюлька – всегда пьяное, опустившееся существо когда-то женского пола. Собирала она добычу – пустые бутылки, алюминиевые банки, прочие полезные вещи, которые потом можно пропить. И вдруг наткнулась на наш Гладиолус. Для неё, давно уже спившейся, грязной, несчастной, это стало чудом, приветом из прошлого, из той жизни, когда она ещё была не Тюлькой, а Юленькой. И жила со своим мужем в своей квартире, и пила только по праздникам, по одной, по две... по три рюмочки....

Она жадно схватила цветок, прижала к лицу, вдыхая ещё не ушедший аромат. Приковыляла в подвал, где имела грязный угол, нашла банку, налила в неё воды, поставила цветок. Долго сидела рядом, даже не пила в тот день. Гладила полузавядшие цветы, приходила в себя, твёрдо решала с завтрашнего дня начать новую жизнь: бросить пить, скопить немного денег, отмыться, купить нормальную одежду, устроиться на работу, хотя бы на рынок или в уличный лоток! А потом снять угол, зажить обычной жизнью, ведь ей ещё нет и сорока!

...Три дня не пила Тюлька, сдавала по-прежнему бутылки, подкопила денег, а потом их у неё отобрали коллеги-бомжи. Побили при этом её немного, больше для порядка, купили водки, напились и даже её хотели напоить – они же не изверги какие! Больше мы про Тюльку ничего не знаем – зима в том году выдалась на редкость суровой, много бомжей перемерло...

А Гладиолус всё-таки закончил свои дни на помойке – цветку, сорванному с земли, так и положено.

Ах, как не хочется заканчивать нашу сказку на такой грустной ноте! Неужели нет никакого просвета, всё так мрачно и плохо? Неужели автор видит только грязь в этой жизни? Нет-нет, автор тоже не хочет, чтобы всё так закончилось! А давайте, пусть будет по-другому:

Девочка Надя, которая посадила наш Гладиолус, после того, как обрушился их дом, переехала с родителями в новую квартиру. Ей очень хотелось узнать, выжил ли цветок после катастрофы? Что с ним стало? Может, так и растёт он в бывшем палисаднике, поджидая свою

хозяйку? Новая квартира была на окраине города, в дальнем районе, одну Надю не отпускали, а родителям было не до того, чтобы ездить с ней.

Но однажды в октябре, в субботу, когда не было занятий в школе, родители поехали в гости к своим знакомым, в тот самый район, и Надя попросилась вместе с ними. Пока взрослые сидели за столом и говорили о своих делах, Наденька, получив от мамы разрешение, ушла к их старому дому и принялась разыскивать свой Гладиолус.

Нашла место, где располагался палисадник, но цветка там уже не было. Может, его заваляло камнями, может, он засох от недостатка воды, а возможно, его просто затоптали. Надюша очень расстроилась, даже хотела заплакать. Но вскоре заметила остатки обрезанного стебля и поняла, что цветок благополучно вырос, а потом... потом он понадобился кому-то другому, подумала она.

Тут Наденька вспомнила, что луковицы цветов, таких как наш Гладиолус, не умирают в земле. Она нашла крепкую палочку, раскопала землю и вынула луковицу. Завернула в носовой платочек и решила, что посадит его где-нибудь возле новой квартиры.

И сочинилась ей сказка, добрая и красивая. Про то, как жила на свете маленькая девочка Юлечка, которая однажды сильно заболела. Она лежала в больнице, ничего не хотела есть и совсем умирала. Мама сидела рядом с ней и плакала, а папа печально ходил по улицам и думал, чем помочь своей дочке. И вдруг он увидел замечательный, ярко-красный Гладиолус!

«Моя дочурка ведь любит цветы!» – подумал папа, тотчас срезал Гладиолус и побежал в больницу. Юлечка так обрадовалась! Она попросила поставить цветок в вазу рядом со своей кроватью и всё смотрела на него. А потом она стала поправляться и совсем скоро выздоровела!

Надя так поверила в свою сказку, что напрочь передумала плакать, а наоборот, заулыбалась. И её улыбка была такой радостной, искренней и чистой, что ей невольно улыбались в ответ все, кого она встречала на своём пути: продавщица на уличном лотке – коротко стриженная, немного увядшая, с припудренным синяком, но опрятно одетая, симпатичный молодой парень, тащивший к её лотку какие-то коробки и весело кричавший: «Юлька, не спи, принимай товар!».

А также девушка с красивыми волосами цвета меди, молодожёны с коляской, тётенька с золотыми кольцами и ещё многие другие прохожие.

И кто теперь скажет, что наш Гладиолус прожил свою короткую жизнь напрасно?

Июнь 2013, март 2017

Первая жизнь

– Ну, что делать будем, Степановна? – директор приюта недовольно постукивал пальцами по столу. – Сколько можно кормить твоих... этих? Все сроки вышли, никто их не берёт, ты же знаешь – пора усыплять. У нас вон сколько новых приходит, а где на всех еды взять? Эта вот, дикарка твоя, трёхцветная, она же ни к кому не идёт! Сколько раз хотели забрать, а она, видите ли, выпендривается, хозяев выбирает, шипеть начинает! Всё, Степановна, завтра же её – на усыпление!

Ага, шас, «на усыпление»! Знаем, знаем, проходили. Сегодня поговорят, а завтра Степановна опять изобразит из себя жертву склероза. Вон, стоит, делает виноватое лицо, сокрушённо разводит руками. Знает, что директор, Александр Юрьевич – не злой, в общем-то, человек, но всё же спорить в открытую с начальством не решается. А потом всё равно по-своему повернёт...

И злится-то он не зря. Понять не может, почему не иду ни к кому, уже четыре раза взять хотели, а я – ни в какую! Вот и в прошлый понедельник за мной приехала тут одна... крыса номенклатурная (это её так Маркиз из соседней клетки назвал, он раньше у частного предпринимателя жил) – её маленькая внучка во что бы то ни стало желала получить именно трёхцветную кису. Приехали на дорогой машине, привезли несколько мешков корма. И что я теперь должна, сломя лапы к ним лететь и на спину падать, закатив глаза? Разбежалась! Так нет, схватили, потащили, в руки девчонке стали совать! Ну я и цапнула её чуть-чуть, на три коготка.

Как они раскудахтались, как засуетились! Степановна меня в охапку, да в клетку от греха подальше! А директор не растерялся, быстренько им Маишку подсунул, была тут такая, тоже трёхцветная, только поменьше да похуже – тощая, шерсть лохматится. Но дело своё знает – давай к капризке ластиться, мурлыкать, в глаза заглядывать. Её и забрали в богатый дом. А я... дура, в общем, как Степановна говорит.

Ведь не знают они все, что я ждущу. Ждущу того, кому очень нужна. Я это чувствую, понимаю. А люди – нет. Что с них взять, с людей? Простые они, примитивные. Интуиции у них вообще никакой нет, ничего заранее предчувствовать не могут, а туда же – цари природы...

О, вот и они, дождалась! Мальчишечка лет восьми, худенький, бледный, глазки запавшие. Рядом – такая же славная девчушка, только крепенькая, здоровая. И папа с мамой. Сюда, мои хорошие, сюда, здесь я! Куда же вы повернули? А, понятно, вам сейчас дурака-Барсика навязывать будут. Он большой, красивый, дымчатый, глаза жёлтые, а мозгов нет... Только жрать и спать. А мальчишечка-то не дурак совсем, хоть и человек: головой качает, не хочет Барсика – понимает, что этот толстый дурень лечить его не собирается! Ох, за версту я чую, беда у тебя, мальш! И болезнь твою вижу, которая по ночам тебе головку разрывает, и маму твою, измученную и отчаявшуюся, и папу, что из последних сил держится, и сестрёнку, по ночам плачущую от жалости к братику.

А Степановна опять не туда тянет, даже до неё не доходит ещё, что лишь я им нужна... Ведь возьмут сейчас кого-то, только намучаются. Ну, уловите же кто-нибудь мой сигнал! О, я же говорила, среди людей только дети, пока не выросли, нас понимают! А потом по их людским меркам, они взрослеют и мудреют. Хороша мудрость – кошек не понимать совсем!

Вон, оглядывается, заметил, как я по клетке бегаю, только силёнок совсем нет у маленького, ни до кого достучаться не может, но тут сестрёнка его, рысик-белобрыйсик

в конопушках, что-то у братика спрашивает, рукой в мою сторону показывает, а потом мамку за руку – дёрг, и ко мне!

– Ничего не понимаю, – Степановна задумчиво смотрит вслед уходящей семье: папе с мамой, радостно подпрыгивающей сестрёнке, и её братику, вцепившемуся в трёхцветную дикую кошку, которая раньше ни к кому не приближалась, а теперь сидела у него на руках и мурлыкала на всю округу...

Ну вот наконец-то я дома, у хозяев, у тех, которых так долго ждала... Всё, всё про вас, ребята, уже знаю. С детками беседовать – одно удовольствие! Говорят, и взрослые есть, которые кошек понимают, там, в приюте Сонька рассказывала, что её хозяйка была такой, пока не померла. Мы, говорит, с ней по вечерам беседовали часто. Не знаю, я только с детьми общаться могу, и то не со всеми. Степановна, на что добрая, а разговаривать не умела и меня не понимала...

Да, так вот, с детками я пять минуток пообщалась, и всё теперь знаю. И про страшные Олежкины приступы головной боли, и про новое лекарство, которое помогает, но не совсем. Потому что болезнь научилась с ним бороться, а увеличивать дозу нельзя – маленькое сердечко не выдержит. А если не увеличивать – тоже может не выдержать боли. И про то, как Оленька любит братика и хочет, чтобы он выздоровел, как просыпается и плачет по ночам, когда Олеська кричит во время приступа. И про измученных маму с папой, готовых взять на себя часть этой боли, но им не дано. Люди ведь, не кошки...

А ночью Олеську скрутил такой страшный приступ, что пришлось вколоть внеочередную ампулу сильного лекарства. Через час, измученный, с искусанными от боли губами, он забылся тяжёлым, наркотическим сном, вызванным большой дозой препарата. Если ему удастся продержаться хотя бы до полудня, то потом можно будет сделать очередной укол. Если приступ случится раньше, колоть лекарство нельзя – опасно.

Света, сидя возле кровати сына, уже не понимала, где сон, а где явь. Измотанный организм требовал сна, но она не хотела терять контроль ни на минуту, испуганно подхватываясь никнувшей в полузабытья головой, пытаясь взглянуть в Олеськино лицо. Наконец, благодатный сон окончательно сморил её, голова безвольно свесилась на плечо.

В узкую щель приоткрытой двери незаметно скользнула беззвучная тень. Трёхцветная кошка подошла к кровати, прыгнула на одеяло, покрутилась немного, потопталась, затем решительно перебралась в изголовье и улеглась венчиком вокруг головы мальчика. Повозилась, устраиваясь, заурчала уютно, немного помесила передними лапами. А вскоре гримаса боли ушла с Олеськина лица, он даже слегка улыбнулся во сне. Дыхание его стало ровным и глубоким, в унисон тихому кошкиному урчанию.

Ох, как же тяжело мне! Какая страшная боль вцепилась в парнишку! Я недолго выдержала, но всё же сняла её немного, освободила его силы. Он теперь заснул, хорошо заснул, спокойно. И мне нужно поспать, залечь где-нибудь, переварить эту боль, выпустить её, уже убитую, безвредную... Я тут, Оленька, у тебя в ногах пристроюсь, ты не бойся, эта злая болячка к тебе не перейдёт, мы, кошки, её в себе перевариваем, никому не передаём... Спать, спать скорее, устала...

...Света резко встрепенулась, вскинула сонную голову. Сколько же она проспала? О Боже, почти утро, рассветает... Как там Олеська? Спит... Просто спит, безмятежно и тихо как давно уже не спал. Неужели этот приступ ей приснился? Нет, вот пустая ампула, шприц... Может, лекарство так подействовало? Она смело со столика осколки, выбросила в ведро.

Заглянула по дороге в детскую – Оленька сладко сопит во сне, подложив ладошку под щёку, Алиска лежит у неё в ногах, вытянув лапы и почти не дыша. В спальне муж Николай спит на животе, раскинув руки и ноги – кажется, его не сможет разбудить даже канонада. Как давно они все так хорошо не спали! Света прошла на кухню, поставила чайник. Посидеть в тишине, выпить кофе – такое маленькое забытое счастье...

С этого дня что-то изменилось. Не то чтобы наступил перелом или миновал кризис. По-прежнему наваливались страшные приступы, по-прежнему терзали Олежку головные боли. Всё также приходилось иногда колоть вторую ампулу лекарства, а однажды, когда нестерпимая боль не выпускала мальчика из когтей весь вечер и часть ночи, пришлось вколоть и третью. Но после этих приступов Олежка теперь быстрее приходил в себя, засыпал ровно и спокойно, словно набираясь сил. А вскоре Света обнаружила, боясь самой себе в этом признаться, что приступы стали короче, боль становилась не такой изматывающей.

Она не сразу заметила, что после каждого приступа Алиса приходит в кроватку к сыну и ложится у него в изголовье. Кошка пробиралась в спальню незаметно, обычно после того, как Света проваливалась в тяжёлый сон, приходящий к ней с окончанием Олежкиного приступа...

Наконец-то хозяйка соизволила заметить, какое «лекарство» принимает её сын. Она рядом с кроваткой сидит, дремлет, голову уронив, пока Олежка не заснёт и не догадывается, что без меня-то сна ему не будет! А позавчера ночью подхватила, глаза красные, смотрит на кровать, понять не может. А у меня как раз, самый пик лечения, боль ко мне переходит. Смотрю на неё строго: не мешай, мол, хозяйка, видишь, не до тебя тут? Ну, она, хоть и взрослая, но поняла меня, не прогнала, а только сидит, глазами хлопает.

Не знаю, врала Сонька тогда или как, но не умею я со взрослыми разговаривать. Или они со мной. Сколько уже дней я Олежку лечу, боль из него вытаскиваю, а она только сейчас заметила, да и то... не спросила даже, как я себя чувствую, мне ничего не рассказала. Вот Оленька – совсем другое дело! Утром просыпается, а я у неё на одеяле лежу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.